

Ветераны войны на Хай-Чжане приглушёнными голосами говорили о Вогене и обменивались понимающими взглядами, когда разговор неизбежно переходил к дворцу Мира. Рассказы о героизме в развернувшихся там боях стали легендами.

– Я помню, что каждый кадианский солдат жалел, что не оказался там, – произнёс Рей, израсходовав весь заряд ружья за шесть контролируемых полуавтоматических очередей. Это было четвёртое ружьё сержанта, сгоревшие остатки предыдущих трёх валялись вдоль плавно менявшейся линии фронта.

– Забавно, – сказал Хокинс, нырнув назад в укрытие, когда несколько зелёных разрядов врезалось в стену над ним. – Всегда легко жалеть, что не оказался где-то после того, как бой закончился. Не так весело быть в том месте, когда лазерные лучи льются, словно дождь на полуострове Валькирии.

– Да, в этом есть правда, сэр, – согласился Рей.

Каменная пыль и падавший уплотнитель напомнили Хокинсу, что он не на Вогене, а здание позади них – не неприступная крепость дворца Мира. Справа и слева от капитана сотни кадианцев сражались на поспешно подготовленных позициях, чтобы не позволить врагу пересечь площадь Ангела. Хокинс и его солдаты располагались там же, где полковник Хастур в Последние десять дней, когда объединённая армия Железных Воинов и Братьев Серпа начала пятый штурм.

Пехотные взводы Хастура были не по зубам солдатам-рабам предателей, но он применил тяжёлую бронетехнику, чтобы остановить атаку Железных Воинов. Тяжёлую бронетехнику, которой у Хокинса не было.

Рей отбросил лазерное ружьё, ствол которого расплавился от жара и стал бесполезным. Он сорвал с разгрузки осколочную гранату и швырнул к статуе Сангвиния в центре площади:

– Граната!

Четыре кристаллических существа разлетелись на куски, когда она взорвалась.

– И простите меня властелин Ангелов, – добавил Рей, когда ударная волна оторвала одно из крыльев статуи.

– Лучше просить прощение, чем разрешение, верно? – спросил Хокинс.

– Зависит от того, к кому вы обращаетесь, – ответил Рей, высматривая новое ружьё среди убитых солдат.

– Рей! – крикнул Хокинс и бросил ему своё.

- Весьма признателен, сэр, - произнёс Рей, поймав оружие и без промедления возобновив стрельбу.

- Что скажешь, сержант?

- Мы сильно сдаём на правом фланге, сэр, - ответил Рей. - Я полагаю, что туда направлен главный удар. Какой-то умный засранец среди врагов знает, что на анфиладе у нас нет танков.

Сотрясающие взрывы прокатились по тренировочной палубе, когда, наконец, рухнуло воссозданное здание суда Вогена. Даже среди грохота падавших кирпичей и огня Хокинс расслышал крики.

- Адский огонь, - выругался он. - Там была ударная рота.

- Тяжёлая артиллерия?

- Тяжёлая артиллерия, - согласился Хокинс, вспоминая Последние десять дней. Суд предоставил прекрасную наблюдательную позицию для взводов поддержки Хастура, которые обрушили поток навесного огня на более тонкую верхнюю броню "Лэндрейдеров" Железных Воинов. На заключительных этапах сражения солдаты бросали взведённые миномётные снаряды и выпрыгивали из почерневших от пламени окон, прижимая к груди взрывчатку.

То здание было дополнительно укреплено, чтобы выдерживать непрерывный артиллерийский огонь, но эта конструкция не обладала подобной прочностью. И без размещённого там оружия правый фланг стал полностью открыт. Громоздкие силуэты из зазубренного стекла уже перебирались через обломки. Крепко сложенные чудовища размером с "Часового".

- Вестин! - крикнул Хокинс. - Вестин, где ты?

Связист перепрыгнул через пробитые во многих местах защитные пластинчатые листы и разорванные кинетические аблативы. Вестин старался не отставать от Хокинса, но связисты и лучшие, чем он не могли успеть за капитаном. Камуфляжный плащ Вестина развевался в восходящих потоках тёплого воздуха от высокоэнергетических лазеров, когда он со всех ног бежал к укрытию Хокинса.

Он наполовину повернулся, предоставив вокс-передатчик для работы.

Хокинс крутанул ручку. Не было никакого смысла кричать на Яна Коллинса. Если танков ещё здесь нет, значит, для этого была веская причина. Он должен перенаправить орудия на этот фланг. Авангард атакующих врагов появился из руин, высокий скот с руками в форме каплевидных щитов и многочисленными шипами оружия, протянувшимися вдоль позвоночника. Его встретила очередь из тяжёлого болтера. Попадания по широким рукам не произвели никакого эффекта, в отличие от трёх ракет.

Одна рука разлетелась в фонтане острых осколков, и яркие разряды из установленного на спине оружия без всякого вреда ушли в потолок. Ещё два тяжеловооруженных существа с грохотом показались из облаков здания, пламя отражалось на их многогранных конечностях. За ними следовали другие, более чем достаточно, чтобы смять противостоящий им фланг.

Хокинс закричал в вокс:

– Крид, две группы поддержки на правый фланг, сектор третий-омега! – воскликнул он. – Немедленно выдвигайтесь.

Ответ Крид потерялся во вспышке статики и ревящем потоке огня, который обрушился со стороны недавно появившихся существ. Хокинс вздрогнул, когда взрыв поразил дворец Мира. В пятидесяти метрах слева от капитана рухнул балкон с вооружёнными ракетными установками гвардейцами.

Прежде чем он успел перебросить солдат из какого-нибудь другого взвода, стремительный шквал ракет взмыл по крутой дуге и устремился в развалины суда. Фиолетовые взрывы подбросили перекрученные листы префабрикаторной стали и пласкриты на тридцать метров. Коллимированные разрывы турболазеров прокатились по руинам.

Хокинс надеялся, что к этому времени там уже не осталось живых кадианцев.

– Во имя Ока, вы только посмотрите на это! – воскликнул Рей, указывая на множество легкобронированных танков с шарнирными паучьими конечностями, которые наступали по так называемому переулку Снайперов.

Конечно, он был обязан своим названием лордам-генералам, потому что являлся единственным маршрутом, по которому они передвигались. Любой сражавшийся на Вогене солдат знал, что каждая улица была переулком снайперов.

Хокинс узнал приближавшуюся технику. В основном разведывательные танки Механикус, они были быстрее большинства боевых машин, но и близко не обладали тяжёлой бронёй или вооружением, которые ему сейчас требовались.

Механикус обозначали машины какой-то бессмысленной тарабарщиной на бинарном коде, но кадианцы называли их “Чёрными Вдовами”. Быстрые, манёвренные и смертоносные в схватке с легкобронированными целями. Менее эффективные против тяжёлой бронетехники, но всё же лучше, чем ничего. Группы скитариев наступали на флангах “Вдов”, добавив огневой мощи контратаке.

В центре танков Механикус ехал “Носорог” с открытым верхом и оглушительно грохотающими четверёнными тяжёлыми болтерами на наклонной передней броне. Подобно богу-королю какой-то древней армии воинов-жрецов на “Железном кулаке” ехала многорукая фигура в золоте, серебре и меди. Нижние руки предводителя скитариев представляли собой

наэлектризованные когти-скарификаторы, а верхние конечности сжимали алебарду с потрескивающим у основания энергетическим модулем.

- Спаси меня Император, если он не истинная отрада для глаз! – воскликнул Рей.

Хокинс вынужден был согласиться, что магос Дахан и в самом деле появился, как нельзя вовремя.

“Вдовы” Дахана выпустили новый залп, а скитарии что-то скандировали. Это звучало, как имя, но Хокинс не узнавал его.

- Ма-та-лео! Ма-та-лео!

При каждом крике Дахан вскидывал алебарду.

Воинственный бинарный код проревел из грудных аугмитов Дахана, боевой клич, от которого даже у Хокинса побежали мурашки по спине. Идеально точные очереди из счетверённых болтеров свалили двух тяжеловооруженных кристаллических зверей. Без них на острие атаки у пехоты было вполне достаточно сил, чтобы остановить остальных нападавших.

Пока достаточно.

В то время как скитарии продолжали наступление, вытесняя врагов из развалин суда, Дахан направил “Железный кулак” в центр позиций кадианцев. Рядом с модифицированным транспортом бежали протекторы Механикус, вооружённые мерцающими энергетическими щитами и посохами с клинками.

- Добро пожаловать во дворец Мира, – произнёс Хокинс, когда Дахан спрыгнул в укрытие за усыпанной щебнем пласкритовой насыпью.

Дахан кивнул и сказал:

- Я ожидал, что вы узнаете его.

- Приятный сюрприз, – ответил Хокинс.

- Я здесь не причём, – сказал Дахан. – Я думал, что это вы отдали приказ.

Хокинс покачал головой:

- Нет.

Рей опустился на колени и поцеловал палубу.

- Что, во имя Ока, ты делаешь, Рей?

- Благодарю "Сперанцу", сэр, - ответил Рей. - Кто ещё, по-вашему, это сделал для нас? Я же вам говорил, что старушка присматривает за нами.

Хокинс вопросительно посмотрел на Дахана, но секутор, похоже, был согласен с Реем, что корабль возвёл эту арену, чтобы дать им преимущество.

Он пожал плечами:

- Пожалуй, не самое худшее объяснение, - сказал капитан. Он решил отложить эту загадку на будущее и указал на сражавшихся в руинах скандирующих скитариев:

- Кто такой Маталео?

- Я, - ответил Дахан.

- Я думал, что ваше имя - Хиримау.

- Так и есть. Маталео это, по-вашему, прозвище.

- Что оно означает? - спросил Рей.

- Убийца льва, - ответил Дахан. - Я заработал его в более органические дни на Катакане. Солдат по имени Харкер назвал меня так, и, несмотря на все мои запреты произносить его, воинственность прозвища пришлась по душе скитариям.

- Удивительно, - сказал Хокинс. Дахан уже завоевал его уважение, но получить военное имя от катаканца. Это впечатляло.

- Полагаю, что на пути сюда вы не встретили кадианские танки?

- Не встретил, мы не пересеклись, но они уже в пути, - ответил Дахан. - Если не столкнутся с сопротивлением, то окажутся здесь через двадцать семь минут.

- Двадцать семь минут, провалились всё в Око, - произнёс Хокинс, когда новые разряды зелёного огня пронеслись над площадью и на кадианских позициях расцвели похожие на грибы взрывы. Вопли боли и крики с требованием боеприпасов эхом разнеслись над палубой.

- Что, во имя Императора, вы делаете? – воскликнул Хокинс, когда Дахан выпрямился и вытянул потрескивающие клинки нижних рук. – Пригнитесь!

Кебранианская алебарда Дахана запульсировала смертоносными энергиями, когда он поднялся на осыпавшийся склон обломков. Пламя облизывало его когтистые ноги, а плащ развевался на жарком ветру.

- Оно здесь, – произнёс Дахан.

- Что? – спросил Хокинс, всматриваясь сквозь отверстие в превратившемся в стекло пласкрите. Армия кристаллических воинов наступала по всей площади Ангела. Широкие и высокие, каждый был вооружён мерцающими энергетическими шипами и древковым оружием с длинными клинками, почти как у протекторов.

В центре элитных убийц шагало высокое существо из кристалла и стекла, отвратительная помесь скорпиона и кентавра. Щитоносцы окружали его. Лазерный огонь и взрывы рикошетили от отражающих щитов.

- Альфа-существо, – ответил Дахан, запрыгивая на “Железного кулака”. – Убьём его – и вернём инициативу.

Двигатель транспорта заработал на безумных оборотах, дух-машина с нетерпением рвался в бой. Из-под гусениц полетели камни, когда он въехал на гребень. Из кормовых вентиляционных отверстий вырвались насыщенные химическими веществами выхлопные газы.

- Вы не сможете победить это существо, – предупредил Хокинс.

Скитарии проревели военное имя секутора, направляясь в бой рядом со своим командиром.

- Тогда вы не знаете Маталео, – сказал Дахан.

Стены конферо больше не были из стали и стекла, а превратились в волнообразный свод, состоявший из идеальных геометрических кубов, которые образовывали купол непроглядной тьмы. После изгнания Линьей Галатеи из общей нейроматрицы, все притязания на реальность исчезли.

Гексаматические защитные программы по-прежнему мешали машинному гибриду добраться до них, обеспечивая безопасность Линьи и остальных узников от его гнева.

Линья сидела, скрестив ноги, в центре круга товарищей-магосов, иллюзорное сохранение их физических форм стало уступкой для лучшего воспроизведения трёхмерного пространства.

< Сколько продержится этот барьер? > спросила Сиристте, посмотрев на слегка колеблющийся купол из взаимосвязанных кубов.

< Достаточно долго, > ответила Линья на простом бинарном коде. Она загрузила необходимые знания о гексаматике в их диалектные центры для общения на уровне за пределами понимания Галатеи, но код всё равно оставался утомительно простым.

< Не самый определённый ответ, > заметила сидевшая напротив магос Натала.

< Лучший, который я могу дать, > сказала Линья. < Галатея уже пытается усовершенствовать свои нейронные интерфейсы, чтобы узнать о гексаматике от “Сперанцы”. Каждая потраченная нами на пустые гадания секунда, увеличивает её возможности разрушить наше убежище. Поэтому пришло время нам сделать свой ход, не так ли? >

Она внимательно посмотрела на каждого в круге, и один за другим магосы быстро кивнули, осталась только Сиристте.

< Магос Сиристте? >

< Вы уверены, что это сработает? >

< Нет, > сказала Линья, < но это лучшее, что у меня есть. Наши разумы здесь в безопасности, но Галатея обладает намного более прямолинейной возможностью нападения. Достаточно всего лишь удалить мозг из цилиндра и магос умрёт. >

Сиристте кивнула и сказала:

< Тогда начнём. >

Линья первой стала произносить самую простую молитву Омниссии, пленённые магосы присоединялись, пока она говорила:

< Познанием я очищаю свою плоть от невежества.

< Изучением я увеличиваю свою силу.

< Технологией я почитаю Бога Всех Машин.

< Силой технологии я восхваляю славу Марса.

< Все превозносят Омниссию, ведущего нас по пути познания. >

Изменчивые удаляющие алгоритмы появились изо рта Линьи, словно эктоплазменная эмиссия псайкера. Но они вовсе не являлись бесплотным побочным продуктом, это были смертоносные комбинации объединённых убийственных кодов.

Пока бездействующие, они закружились вокруг неё сверкавшими цепочками капелек на паучьем шёлке и стали перемещаться к магосам.

Первым код коснулся Гефеста. Его спина выгнулась, и он издал мучительный бинарный вопль, когда убийственные коды опутали его разум. Затем настала очередь Наталы, стойко выдержавшей боль, потом Сиристте.

Почти полностью органическое лицо посланника Механикус сморщилось от ужасающей боли, глаза расширились от потрясения. Убийственный код двигался по кругу магосов, затрагивая каждого, пока не остался только магос Клейнхенц.

Часть маслянистого тёмного барьера прогнулась внутрь.

Чёрные кубы стремительно и яростно расширялись, трансформируя массу и плотность в проникавшего в убежище отвратительного инфодемона. Его руки заканчивались изогнутыми когтями, а за спиной раскрылись драконьи крылья.

Это был образ, порождённый первобытными кошмарами, что-то звериное из эпохи, когда человечество влачило жалкое существование в пещерах вокруг затухающих костров. Он издал первородный и убийственный рёв. Когти сжались вокруг Клейнхенца и вытащили несчастного из круга. Магос пытался сопротивляться и извивался в руках инфодемона, его очертания исказили пульсирующие остаточные изображения кричащего лица.

Вопли смолкли, превратившись в бесполезные обрывки бинарных фрагментов, когда он распался на дрейфующие облака инфосвета. Линья направила руки в сторону инфодемона и прокричала песнопение гексаматических вычислений.

Он взвыл от боли, и кошмарная фигура отступила назад во тьму, оставив текучий кубический периметр убежища слегка колыхаться, словно поверхность смоляной ямы.

Последние кусочки Клейнхенца улетучились, как фрактальные снежинки. Гефест и Натала тщетно попытались спасти последнюю частичку своего товарища, но было уже слишком поздно.

Сиристте посмотрела на Линью с нескрываемым выражением горя на органическом лице:

< Что произошло? > спросила она. < Что это за тварь? >

< Галатея перестала притворяться человеческой, > ответила Линья. < Это был её гнев,

дистиллированный в самой чистой форме. Видимо она почувствовала наши действия и вырвала физический мозг Клейнхенца из амниотического цилиндра, чтобы заставить нас остановиться.
>

< Но как то, что мы только что сделали, помешает Галатее повторить то же самое с остальными? > спросила Натала.

< Да, она может повторить, > согласилась Линья. < Но теперь мы все связаны убийственным кодом. Если один из нас так умрёт, то код активируется, и мы все умрём. И если мы умрём, то умрёт и Галатея. >

< Тогда пусть она убьёт нас, > с горечью произнёс магос Гефест. < Мы хотим, чтобы она умерла. Почему бы не позволить ей убить ещё одного из нас и не покончить с ней? >

< Потому что Галатея не отделается так легко, > сказала Линья с ледяной сталью в голосе. < Не после того, что она сделала нам. >

< Кроме того, > добавила Сиристе. < Сейчас она уже знает о наших действиях. Она не станет снова рисковать и атаковать открыто. >

< Тогда как нам сражаться с ней? > спросил Гефест.

< Вы не сможете сражаться с ней, > ответила Линья, позволив последним кусочкам окружающей нереальности покинуть восприятие. < Сражаться буду я. >

Как раньше она направила часть своего сознания в инфосферу, чтобы связаться с отцом, так и теперь Линья направила разум в сверкающий и яркий мир информационного пространства “Сперанцы”.

Она закрыла глаза и...

...обнаружила себя среди блестящих линий сети данных, проходивших сквозь ковчег Механикус в скрытом пространстве знаний “Сперанцы”. Её окружали такие яркие созвездия, каких она никогда не видела. Ослепительная чистота накопленных знаний, хранившихся в каждой мельчайшей частичке света.

Когда Линья в прошлый раз летела в инфопространстве, оно представляло собой вызывавшим галлюцинации местом объединённой функциональности. Яркое, как фосфор, с ядрами познания и информационного обмена размером с континенты.

Теперь оно стало полем битвы.

Инфоядра горели с иссушающей интенсивностью, словно готовые в любой момент взорваться сверхновые звёзды. В последний раз, когда Линья их видела, они были тусклыми из-за паразитного заражения и крепко обвитыми самовоспроизводящимися удушающими кольцами Галатеи. Машинный гибрид держал Механикус в заложниках, контролируя каждую жизненно важную систему.

Теперь контроль почти исчез. Только последние самые важные системы ещё оставались в чужой власти. Всё ещё достаточно, чтобы при желании убить всех до единого на борту “Сперанцы”, но хватка Галатеи слабела прямо у Линьи на глазах.

Она увидела человека, парившего высоко над инфопространством. Выгнутая дугой спина, широко разведённые руки и откинута назад голова. Золотой свет струился из его рук, и там, где он касался паразитирующих наростов Галатеи и вирусных нитей, они таяли, как иней под лучами рассвета.

Он посмотрел вниз, когда она подлетела к нему.

< Авреем? > спросила она.

< Линья, > произнёс Авреем. < Я сделал, что вы просили. >

Она услышала усталость в голосе и увидела, что свет вытекал из его эфирного тела.

< Вы умираете, > сказала она.

Он странно взглянул на Линью, словно смотрел прямо сквозь неё. Затем криво усмехнулся, одновременно меланхолично и сочувственно:

< Тогда у нас есть что-то общее, > сказал он. < Другие магосы с вами... Они понимают, что им предстоит сделать? >

< Поймут, когда придёт время. Поверьте мне, в этом проблемы не будет. >

< А ваш отец? > спросил Авреем. < Он со мной в “Электрус”. Он знает, что вы задумали? >

< Нет, > ответила Линья, и мысль о горе отца едва не разрушила её решимость. < Но другого пути нет. Вы знаете это. Даже после того, что вы здесь добились, нам всё равно нужно это сделать. >

Авреем кивнул и повернулся к текучему яркому солнечному свету мостика “Сперанцы”. Иссушающему и жаркому от сходящихся знаний связующему звену корабля, сквозь которое проходил и осмысливался каждый фрагмент данных.

< Значит, время пришло, > сказал он.

< Да, > согласилась Линья. < Пришло время убить Галатею. >

Несмотря на то, что Авреему Локку удалось расстроить контроль Галатеи над “Сперанцей”, машинный гибрид всё ещё управлял самыми важными системами ковчега Механикус. Телок почувствовал, как Таркис Блейлок попытался лишить шаттл “Ренарда” доступа к носовой посадочной палубе, но Галатея успешно пресекла все его усилия.

– Если бы вы только знали, – произнёс Телок, наблюдая, как необъятный корпус “Сперанцы” заполнял обзорный экран. – Вы бы лично приветствовали меня на борту.

Шаттл дрожал, проходя сквозь гравометрические поля, окружавшие гигантский корабль. Сложность сближения удивила Телока, но он никогда не встречал корабль столь нечеловеческих размеров.

– Та штука, что движется позади нас, – произнёс Эмиль Надер из-за штурвала. – Её разорвёт, прежде чем она доберётся до “Сперанцы”.

Телок рассмеялся, громкий звук заполнил командную палубу шаттла:

– Дыхание Богов изменяет сам космос, думаешь, простые гравитационные волны смогут ему повредить?

Надер пожал плечами:

– Я просто сказал, что оно выглядит довольно хрупким.

Телок наклонился и положил руку с когтями на плечо пилота:

– Оно и в самом деле чувствительное, очень чувствительное. Даже малейшая ошибка в вихре может его разорвать. Но если ты задумался о чём-то безрассудном, например, использовать этот корабль в качестве ракеты или решил просто врезаться в “Сперанцу”, то знай, что я сверну твою шею, как только обнаружу хотя бы микронное отклонение в нашем курсе. И затем я предоставлю Галатее полную свободу действий с той атрофированной вещью, которую ты называешь мозгом. Полагаю, ты в некоторой мере знаком с тем, что она может сделать с ним.

Надер бросил на Галатею ядовитый взгляд. Машинный гибрид сидел, почти прижавшись к палубе, тело-марионетка подёргивалось в неконтролируемых синаптических спазмах. Мозговые колбы мерцали деятельностью, хотя одна была разбита и из неё вывалилось множество мокрых проводов. Присутствие удалённого сознания Телока в Галатее предоставляло Потерянному Магосу полную информацию о том, что происходило в нейроматрице его аватара.

- Дочь астронома по-прежнему мешает нам, - сказала Галатея, прекрасно зная о повышенном внимании Телока.

- Было ошибкой включать её, - согласился он. - Мы сильно недооценили её волю к сопротивлению.

Серебряные глаза Галатеи замерцали, и правая рука дёрнулась:

- Наше тело атакуют изнутри и снаружи. Это очень неприятно.

- Как только я получу полный доступ к ноосферной сети "Сперанцы" и загружу секреты гексаматики, то очищу нейроматрицу от мятежного присутствия.

- Очистите остальных, но оставьте Линью Тихон нам, - сказала Галатея.

- Как пожелаете, - ответил Телок, подключив чувства к внешним топографам шаттла "Ренарда".

Дыхание Богов находилось в девяноста километрах ниже, медленно поднимаясь к подфюзеляжному сводчатому трюму. Разработанный для Центурио Ординатус, только он обладал достаточной вместимостью для вращавшейся матрицы машины.

А за Дыханием Богов следовали два геоформера. Экипажи техножрецов разогнали реакторы до предела, пытаясь сопротивляться притягивающей силе непостижимой технологии, пока не сдались, признав, что не смогут вырваться.

На обзорном экране постоянно рос вход на посадочную палубу, и Телок давил на шею Эмиля Надера всё сильнее, чем ближе они были к конечной точке стыковки.

- Ведите нас ровно, мистер Надер, - предупредил Телок.

- Это уже ровно. Вы думаете так просто летать настолько близко к чему-то большому? - спросил Надер, сверившись с панелью авионики. - Это всё равно, что подниматься в гору с расстроенным чувством равновесия или дополнительным весом.

Несмотря на беспокойство Надера, шаттл без происшествий проскользнул сквозь мерцавшую завесу целостного поля. Телок почувствовал, как присутствие миллиарда духов-машин омывает его.

- Контроль не такой полный, каким должен быть, - произнёс он, мгновенно обработав поток данных в невидимом информационном теле ковчега Механикус.

- Госпожа Тихон оказалась изобретательной и заручилась помощью союзника на корабле, - пояснила Галатея. - Всё указывает на то, что он скоро умрёт, позволив нам вернуть полный контроль над "Сперанцей".

Шаттл приземлился с глухим лязгом посадочных когтей, и Телок вздохнул, ощутив, как что-то бесконечно огромное прикоснулось к стенам его расширенного сознания.

- Я чувствую, как его большое сердце бьётся в глубине корпуса из железа и камня, - сказал он.
- Скрытое глубоко в матрицах логики и бинарного кода, но видимое для тех, кто обладает видением.

- "Сперанца", - сказала Галатея.

- Это всего лишь одно из имён, - произнёс Телок, пока опускался носовой трап. - Но я узнаю их все.

Судьбы раскручивались вокруг Бьеланны. Она видела их все, проживала их все. Мир раскалывался, разорванный на куски энтропийной местью хрудов. Она чувствовала, что орда ксеносов ускользнула, мигрировала из мимолётного аспекта реальности.

Мощь пряжи вздымалась в разуме ясновидицы.

Время, которое сжималось и растягивалось хрудами и машиной Ингир, теперь ревело сквозь Бьеланну в виде цунами темпоральных энергий. Она стала сердцем бури, опустившись на колени в окружении эльдарских воинов, пока сила текла сквозь неё. Она стала проводником для всех вещей, которые ещё могли быть, и всех, которым уже никогда не суждено произойти.

Бьеланна заплакала, ощутив прикосновение Тёмного Жнеца к своей душе, Каэла Менша Кхейн упивался аспектом Разрушения.

Она являлась этим Разрушением. Она теперь видела, что нити всех, кто окружал её, были неразрывно связаны с её гибелью. Никто не мог убежать от своей судьбы.

Она убила их всех.

Она накрыла их саваном смерти.

Жалящие Скорпионы двигались в угловатом танце вокруг Бьеланны, пока Воющие Баньши кружились, как акробаты. Мечи пели, и хор выстрелов монкеев звучал резко и отрывисто на фоне изящной смертоносной симфонии.

Кристаллиты сражались вытесненными клинками, быстро и ловко, но их атакам не хватало

артистизма и гордости. Они гибли десятками. Каждый из эльдарских воинов был вплетён в невидимую паутину судеб, которые ломались и разделялись в одно мгновение. Прошное уменьшалось, настоящее расцветало, а будущее не видел никто кроме неё.

Её руки ослепительно быстро двигались в сложных узорах, направляя эльдаров, словно дирижёр оркестра из миллиарда музыкантов, игравших самую сложную композицию, которую можно представить. Она заставила Вайнеша шагнуть на ширину пальца правее, спасая от колющего удара стеклянного клинка. Урикуэль изменила захват меча, и теперь ей хватило силы отрубить конечность кристаллита. Сотней способов она формировала судьбы своих воинов: здесь шаг назад, там четверть оборота, прыжок на мгновение раньше.

Каждый элемент сам по себе являлся незначительным, но все вместе они создавали паутину причин, перемещая восприятие Бьеланны на два шага вперёд. Она попыталась сформировать судьбы космических десантников, передав им часть вновь обретённой силы, но не ей было изменять судьбы таких воинов. Они скорее умрут, чем потерпят прикосновение того, кого обычно считали врагом.

Только разум Робаута Сюркуфа оказался достаточно открыт благодаря прикосновению другого эльдара, певца кости по имени Ирландриар. С помощью Бьеланны каждый выстрел Сюркуфа был сделан с идеальной точностью.

Но она знала, что подобное управление судьбами не продлится долго.

Не смотря на то, что она могла направлять шаги и мечи в руках воинов, конечности из плоти и крови устанут, а некогда идеально отточенные навыки – притупятся.

И затем придёт смерть.

Тень поднялась, окутывая Бьеланну, потрясающе внезапная и удушающе глубокая в своей темноте. Она застила её взор, словно завеса чёрного бархата, и Бьеланна увидела, как почернела пряжа и показались конечные точки всех нитей, которые распутывались в небытие с ужасающей скоростью.

Конец всего сущего.

Невозможная граница в том, что должно быть бесконечным пространством.

Бьеланна охнула и её сердце сжалось.

Это было гибелью, которую она видела ещё на “Сперанце”. Пространство и время распадалось, разрываясь на куски, словно порванные паруса повреждённого призрачного корабля.

Смерть пришла на этот мир, но она была самым меньшим из зол. Начавшийся здесь разлом

становился шире с каждой секундой, притягивая к себе все нити в пряже. Подобно челноку ткацкого станка, который распутывал поперечную нить от основы, будущее распускалось к точке омеги.

Экснихлио становился временным эквивалентом чёрной дыры, воющей пропастью, в которой время перестанет существовать. Пока это ограничивалось глубинами планеты, но Бьеланна чувствовала, что нанесённые хрудами катастрофические геомантические повреждения приближаются к поверхности.

Физическая гибель Экснихлио ничего не значила, но временные ударные волны распространятся в ледниковую пустоту космоса и достигнут галактики сородичей Бьеланны.

Они станут медленной смертью для галактики, поскольку всё время будет сожрано созданным устройством Ингир разломом. Но то, что они положат конец всему и навсегда являлось бесспорным.

Если Бьеланна не остановит их.

Она плавно встала на ноги, не обращая внимания на запутанный военный танец её людей и жестокие тяжёлые удары космических десантников. Она сжала кулаки и резко развела в стороны, позволив силе пряжи хлынуть из неё в могучем потоке.

Бьеланна создала ревущий ураган кипящего психического гнева, в центре которого она стояла. Ближайшие кристаллиты просто исчезли, испарившись от подлинной ярости шторма. Остальных врагов отшвырнуло назад, словно взрывной волной. Прозрачный синий огонь закружился вокруг ясновидицы в циклоническом вихре.

Стекло и кристалл разрушались, убивая кристаллитов, но оставляя создания из плоти и крови невредимыми. Зелёный огонь истек из изувеченных тел, которые рассыпались чёрной пылью по площади. Циркулирующая буря психической энергии расширилась вокруг Бьеланны, сформировав воющую стену непроницаемых штормовых фронтов.

Ошеломлённая тишина заполнила пустоту, которая ранее была насыщена ворчанием монкеев и смеющимся пением эльдаров.

Танна из Чёрных Храмовников повернулся к ней, его доспехи были помяты и поцарапаны до голого металла. Она ощутила его враждебность, примитивные наркотические средства повысили уровень агрессии до психотических высот.

Она упредила его неизбежные вопросы единственным императивом:

– Ты должен идти, – сказала она. – Ты должен остановить Телока.

Она почувствовала его замешательство, но не было времени объяснять то, что она узнала, кроме самых элементарных вещей:

– Всё приближается к концу, – произнесла она. – То, что Телок привёл в движение, положит конец всему. Твоему Императору, Его владениям, моему народу и всему, за сохранение чего мы сражались. Всё умрёт. Хуже того, всё просто перестанет существовать, потому что ничего никогда не было и ничто никогда не появится. Всё, что было, и всё, что может произойти, будет стёрто.

Танна кивнул, и в этот момент к нему подошли боевые братья.

– Сколько продержится барьер? – сквозь зубы спросил Андерс. Его нить была короче, чем у остальных.

– Не долго, – ответила Бьеланна. – Гнев пряжи во мне силён, но скоро он пойдёт на убыль, как зимняя луна, поэтому нужно спешить.

Архимагос Котов произнёс:

– Ты сказала, что Танна должен идти. Но как кто-то из нас может куда-то идти?

Бьеланна позволила разуму скользить над монкеями в поиске достаточно сильной эмоции, которая могла стать якорем. Храмовники и кадианцы отпали сразу, они плыли по течению и знали совсем мало. Разум Котова слишком заостренел в логической функциональности, его эмоциональные центры давно закрылись.

Но Сюркуф...

Она почувствовала его любовь к своему экипажу и кораблю, а разве не любовь являлась сильнейшей эмоцией? Она излечивала раны, заканчивала войны и видела заклятых врагов, примирившихся, словно братья. Также она разрушала империи и посрамляла величайшие умы.

Ничего не было сильнее любви, и Сюркуф был благословлён ею в изобилии.

Бьеланна спросила:

– Твой талисман. Он всё ещё у тебя?

Сюркуф растерянно посмотрел на неё, затем полез в нагрудный карман кителя и достал компас астронавигации.

- Он? Вы о нём спрашиваете?

Бьеланна видела пересечение судеб, связанных с устройством, тонкую нить, предопределявшую путь жизни монкея, который на каком-то подсознательном уровне чувствовал его важность.

- Да, протяни его мне, - сказала она.

- Зачем?

- Потому что мне надо сосредоточиться, - ответила она, и в её глазах мелькнула печаль. - И потому что мне нужен кто-то, кто запомнит меня.

Хотя его удивило сказанное, он всё же сделал, как она просила. Бьеланна сжала фарфорово-белыми пальцами руки Сюркуфа, и почувствовала его глубокую связь с теми, кого он оставил. Он умрёт за них, а они за него. Стрелка компаса танцевала и вращалась, неопределившаяся и блуждающая. Их разумы встретились, и она за долю секунды прожила всю его жизнь.

- Посмотри мне в глаза и представь тех, кто для тебя дороже всего, - сказала она.

Едва он сделал это, как стрелка замерла.

Бьеланна отпустила руки Сюркуфа, сохраняя связь и представляя то, что он видел. Практичная каюта с деревянным столом. Картины на стене, письменные благодарности и голографическая камея женщины.

Такова оказалась сила эмоций Сюркуфа и вздымавшаяся в ней мощь, что открыть портал паутины не составило никакого труда. Изливавшая золотой свет мерцавшая оранжевая арка появилась на площади за её спиной.

- Так ты попадёшь на свой корабль, - произнесла Бьеланна. - Иди и останови Телока. Сделай всё, что только возможно, но он не должен вернуться в ваш Империум.

Котов кивнул и махнул скитариям.

Они шагнули в ворота и исчезли.

- Звучит так, словно вы не идёте, - заметил Сюркуф.

- Не иду, - согласилась Бьеланна. - Ещё можно исцелить сотворённое Телоком, но чтобы сделать это я должна находиться здесь, в центре событий и возле раны.

Сюркуф взглянул на барьер. Бури начинали стихать, и армия кристаллитов напирала в ошеломляющем количестве.

- Вы умрёте.

- Будущее, которое я хотела разделить с дочерьми, потеряно, - сказала Бьеланна. - У меня ничего не осталось. Смерть станет желанной.

- Я хочу...

- Не говори ничего, - перебила Бьеланна резче, чем собиралась. - Никакие человеческие слова не смогут меня утешить.

Сюркуф кивнул и отвернулся, помогая магосу Павельке подняться. С искренней благодарностью в последний раз взглянув на Бьеланну, они вдвоём вошли в ворота.

Танна наблюдал за исчезающими Сюркуфом и Павелькой, и чувствовал, как с плеч падает тяжесть, которую он нёс с Врат Дантиума. Отрезанные от ордена и без руководства Кул Гилада, он и его воины ощущали себя потерянными. Странно, что для окончательного понимания этого ему потребовались слова эльдарской ведьмы.

В любой другой день он направился бы в реклюзиам и подверг себя мучительной епитимье за такие мысли.

- Ты действительно можешь исправить то, что сделал Телок? - спросил он.

- Возможно, но мне потребуется время, - ответила она, сняв шлем и прижав его локтем. - И мне потребуются для этого силы моих людей.

- Кристаллиты убьют тебя намного раньше.

- Убьют, - согласилась Бьеланна.

Танна посмотрел на истончавшийся барьер:

- Тогда Чёрные Храмовники дадут тебе это время.

- Танна? - спросил Андерс. - Вы остаётесь?

- Если она может сделать то, что говорит, то у меня нет выбора, - ответил Танна. - Здесь я могу послужить Императору лучше всего.

Андерс вздохнул:

- А я уж было подумал, что все мы вернёмся в Империум.

- Это было честью сражаться рядом с вами, Вен Андерс.

Полковник поднял руку:

- Кадианцы не говорят последних слов, пожеланий или братских прощаний перед лицом верной смерти, - сказал он. - Мы просто сражаемся, и на "Сперанце" есть полк, которому я нужен.

Танна кивнул, и вернул приветствие Андерсу, прижав кулак к нагруднику. Кадианский полковник повёл солдат в портал, а эльдары тем временем собрались вокруг ясновидицы и начали снимать доспехи. Гладкие пластины упали на землю и когда они сняли шлемы, то угловатые чуждые лица смягчились, как пробудившиеся от дневного света. Каждый отдал Бьеланне что-то похожее на полированный драгоценный камень, и они сели вокруг неё, скрестив ноги, а затем закрыли глаза, словно входя в медитативный транс.

Почти сразу же начал затихать удерживавший кристаллитов грозовой фронт. Стекловидные клинки пронзали стихийный барьер, и непреклонные создания Телока стали медленно проталкивать свои угловатые тела.

Танна отвернулся от эльдаров.

Его воины стояли перед ним.

Гордые и непреклонные, все они были героями.

- Братья мои, наконец, всё близится к концу, - произнёс он. - Пришло время последней битвы крестового похода Котова.

- Вы обновите наши клятвы, брат-сержант? - спросил Яэль.

- Обновлю, - ответил Танна, зная, что то, что он скажет дальше, сокрушит молодого воина. - Но ты не станешь приносить клятву вместе с нами.

- Брат-сержант?

- Уходи во врата, - сказал Танна. - Если Телоку суждено погибнуть, то именно клинок Чёрного Храмовника должен снести голову с его плеч.

- Нет! Пожалуйста, Танна, - произнёс забывшийся в пылу отчаяния Яэль. - Не отказывайте мне в последнем бое.

Танна покачал головой:

- Возвращайся на "Сперанцу" и сражайся в том бою со всей храбростью. Добейся славы и поведай в ордене о нашей судьбе. Расскажи им о наших деяниях, о нашей отваге и жертве. Расскажи им, что мы погибли как герои во имя Императора.

- Я хочу остаться и сражаться рядом с вами, - взмолился Яэль.

- Это - мой последний приказ. Ты не посмеешь ослушаться его.

Танна переживал за молодого воина, прекрасно зная, какую боль тот испытывает, лишившись славной смерти рядом с братьями.

- Больше никаких слов, - произнёс он. - Ступай.

Яэль резко убрал меч в ножны и, не оглядываясь, побежал во врата эльдаров.

- Жестоко, - сказал Варда. - Но это нужно было сделать и пришло время для клятвы.

Иссур присоединился к чемпиону Императора, пальцы Храмовника дрожали, а лицо подёргивалось от неконтролируемых мышечных спазмов.

Танна кивнул, и оба воина опустились на колени, позволив ему стоять перед ними, как Кул Гилад стоял перед ними на "Адитуме". С протискивавшимися сквозь психический барьер кристаллитами, Танна знал, только одну достойную клятву.

Прощание Кул Гилада.

Слова, услышанные по воксу, когда погиб реклюзиарх. Танна поднял меч к плечу, приветствуя воинов:

- Веди нас от смерти к победе, ото лжи к истине, - произнёс он и коснулся клинком плеча Варды:

- Веди нас от отчаяния к надежде, от веры к кровопролитию.

Следующим благословение получил Иссур:

- Веди нас с Его силой в сердце и к вечности войны.

Оба Чёрных Храмовника поднялись, и они прижали кулаки к нагрудникам. Их голоса присоединились к Танне, заканчивая клятву:

- Пусть Его гнев наполнит наши сердца! – воскликнули они. – Смерть, война и кровь: служи Императору в священном отщепенстве, во имя Дорна!

Иссур и Варда встали плечом к плечу, обнажили мечи и направили оружие в сторону врага.

- Вот, что ты видел, Варда, – сказал Танна, встав рядом с чемпионом Императора. – Когда мы перековывали цепь твоего меча.

Варда кивнул, но не отвёл взгляда с клинка. Несмотря ни на что, тот безупречно мерцал, без малейшей царапины на обсидиановой поверхности. Варда посмотрел на ряды кристаллитов, и в этот момент психический барьер, наконец, разрушился, превратившись в обрывки увядающего света.

От звука скрежежавших друг о друга тел атакующих сплошной стеной кристаллических чудовищ у Танны заныли зубы.

Пятьдесят метров, тяжёлая поступь врагов ускорилась.

- Ты говорил, что видел, как сражаешься вместе с эльдарами, – произнёс Танна, поведя плечами, чтобы расслабить мышцы. – Ты не мог понять, как такое могло произойти. Теперь мы знаем.

- Приятно знать, что я остался верен принесённым клятвам, – сказал Варда. – Я умру, как истинный сын Сигизмунда.

- В этом я никогда не сомневался, – сказал Танна.

Тридцать метров. Столкновение неизбежно.

- По... по крайней мере, эл... эльдары умрут вместе с нами, – заметил Иссур, оглянувшись на тихих неподвижных ксеносов. Мышцы его шеи были напряжены, но меч не дрожал.

- Пришло наше время умирать, – сказал Танна. – На заброшенной планете вдали от света Императора. Насладись этим моментом, потому что умрёшь всего один раз. Как ты встретишь смерть – столь же важно, как каждый прожитый до неё миг.

Десять метров, полупрозрачные клинки занесены для удара.

Танна слегка откинул голову назад и поднял меч, приветствуя приближавшуюся смерть, зная, что она будет великолепной.

Пять метров.

Последнее сражение крестового похода Котова началось под звуки разбитого стекла и крики имени Дорна небесам.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/660282>